

Глава 29. Дождливый день

Одна капля, вторая...

Чэньша открыл глаза под серой кисеей дождя. В его взгляде, прежде ясном и теплом, теперь плескались лишь глубокая растерянность и липкий туман. Грязь, перемешанная с дождевой водой, перепачкала его одежду и лицо; он, лежащий в холодной луже, походил на раненого кота, брошенного в грязном переулке глухой ночью.

Чжайсин давно исчез, и Чэньша даже не подозревал, что, пока он был в беспамятстве, здесь появлялся Сюкун. Но сейчас его не заботил никто — даже он сам.

Он продолжал неподвижно лежать, и ему казалось, что весь мир перевернут. Вчера, когда он увидел ту стелу, чужие воспоминания хлынули в разум неудержимым потоком. Он безвольно принимал их, медленно растворяясь в тенях прошлого.

Дождевые капли были слишком чистыми, и это пугало. Чэньша не понимал, имеет ли он, столь запятнанный, право на это небесное омовение.

Он коснулся оцепенелыми пальцами травинки, поникшей под ударами дождя. Чэньша вздрогнул и внезапно расплакался. Они смешивались с каплями воды, стекая по мертвенно-бледному лицу, и в этом горьком союзе постепенно рождалось отчаяние.

Над заброшенной деревней нависли тяжелые тучи. Чэньша плакал молча, глядя на почерневшее мертвое дерево неподалеку. Он попытался что-то сказать, но его сдавило в горле, и он лишь надсадно закашлялся.

С трудом поднявшись, Чэньша, пошатываясь, добрал до дерева и рухнул перед ним на колени. Он осторожно коснулся грубой коры и почувствовал такую нестерпимую боль, что зашелся в рыданиях.

— Простите... Простите меня...

Далекое прошлое, спавшее в глубинах сознания, пробудилось в тот миг, когда он увидел надпись на камне.

Он — «Фэй», пятый ассасин «Уцзе», тайного ордена императора Фэн Яна из страны Кунлань. В тот роковой день его последней целью должна была стать женщина-генерал из Чжаньхай. Тогда он еще был Цзи Яньфэем, вторым молодым господином семьи Цзи, и имел все шансы стать исполняющим обязанности Святого Сына. Та миссия провалилась. Израненный, он бежал в горы Чжаньхай, где его, полуживого, спасли жители крохотной деревушки. Среди этих простых, добрых людей его истинная память — память Цзи Яньфэя, которую Фэн Ян пытался стереть, — начала возвращаться.

Фэн Ян не был к нему суров: он сделал из него тень, обучил боевым искусствам и грамоте. И, что важнее всего, Фэй любил Фэн Яна. Он добровольно стал его клинком и его наложником, готовый ради него омыть руки в крови. Но как он мог принять правду? Именно этот человек, которому он доверял жизнь, уничтожил всё, что было дорого Цзи Яньфэю, низвергнув его из знатных небес в пучину греха.

Сломленный, он скрывался в этой тихой деревне. Использовал свои познания в медицине, чтобы лечить соседей, учил грамоте местных детей. Тепло и искренность крестьян отогрели его замерзшее сердце. Он хотел остаться здесь навсегда, забыть Фэн Яна и начать новую жизнь.

Но император не ведал жалости. Зная, как опасен беглец, Фэн Ян выследил его. Фэю удалось скрыться в последний момент, используя старые навыки, но когда он вернулся в свой приют... он увидел лишь пепелище. Вспыльчивый государь в гневе приказал вырезать всех: добродушных стариков, рассудительных мужчин, невинных девушек и веселых детей.

Кровь и пламя — эта картина выжгла его душу. На старом дереве всё еще висели качели, которые он смастерил для ребятишек, но теперь от них остались лишь обугленная доска да кусок окровавленной веревки. Возле качелей лежало тело ребенка. В его широко раскрытых глазах всё еще читалось чистое любопытство — то самое, с которым он встречал незваных гостей, прежде чем коса смерти оборвала его путь.

Перед взором Чэньша вставали лица всех, кого он когда-либо убил. Гнев, печаль, недоумение, ужас... Лица сменяли друг друга, а гул пламени, пожирающего дома, казался криками душ из самой преисподней. Он не заслуживал света. Он был лишь тенью, грелкой для постели, наемным убийцей.

Ассасин Фэй, Исполняющий обязанности Святого Сына Цзи Яньфэй. Тот, кто должен был принести себя в жертву ради спасения мира от бедствий, стал проклятым дитя, приносящим лишь смерть!

После резни хлынул ливень. Он стоял под потоками воды, шатаясь, как слабая травинка, едва пробившаяся сквозь почву. Кровавые ручьи заливали землю, подступая к его ногам. Дрожа всем телом, он не выдержал этого ужаса и с диким криком бросился бежать, пока силы не оставили его.

Тьма и холод стали его вечными спутниками. Падая в ту дождливую ночь, он взмолился небу: «Отец-повелитель говорил, что на Крайнем Севере есть Белая ночь. Там сумерки встречаются с зарей, и свет никогда не гаснет. Фэй хочет увидеть это небо... и уйти во тьму, искупив вину смертью!»

Мягкое тепло коснулось его спины. Чэньша, прижимавшийся лбом к дереву, обернулся. Свет ослепил его, заставив зажмуриться, и по щекам потекли новые слезы, согретые солнцем.

Когда он снова открыл глаза, то увидел: небо наполовину прояснилось. Солнце, словно

зачерпнув полную пригоршню золота, щедро осыпало землю лучами. Тонкие облака еще не рассеялись, и над головой всё еще сеялся мелкий дождь, но холод больше не пробирал до костей.

Взгляд Чэньша вновь стал прозрачным и чистым, как обычно. Но от этого выражение его лица сделалось еще более беззащитным. Прислонившись к сухому стволу, он обхватил колени руками и зашептал:

— Не стоит... Не будьте ко мне так добры... Я палач. Вэньцян... Чэнь... Глава союза... Господин... Сяо Янь... Чьи это воспоминания? Фэй... Чу Сюань... Чэньша... Или это я? — Он издал сухой смешок и спрятал лицо в ладонях. — Кто же я на самом деле?

Звонкий птичий крик заставил его вздрогнуть. Чэньша поднял голову. Не успел он проследить за тенью, как мощный взмах крыльев обдал его ветром, словно пощечиной возвращая к реальности. Перед ним на камне сидела крупная птица, внимательно наблюдая за ним своими зоркими глазами.

Чэньша узнал её — это была та самая птица, которую он вылечил несколько дней назад. Он выдавил подобие улыбки и протянул руку:

— Спасибо... что прилетела навестить меня...

Птица прищурилась и вдруг с резким криком взмыла в небо. Пока Чэньша недоуменно провожал её взглядом, снова послышался шум крыльев, и из облака белого тумана выскочил обеспокоенный Люк.

— Чэньша! Чэньша, что с тобой?! — Он схватил его за плечи, пытаясь привести в чувство.

Глядя в озерную синеву глаз Люка, Чэньша снова горько улыбнулся:

— Это... ты...

Люк замер. Он никогда не видел Чэньша в таком состоянии. Осмотрев его и убедившись, что ран нет, он коснулся лба друга:

— Чжайсин ударил тебя? Отравил? На кого он работает? Тебе плохо? Пойдем со мной к боссу, он обязательно поможет!

Босс... Лу Юйчэнь? Чэньша больше не мог улыбаться. Он отвел руку Люка и устало опустил голову.

— Нет. Не нужно...

Было ясно, что он не намерен ничего объяснять. Люк стиснул зубы и, прижав Чэньша к дереву, глухо произнес:

— Я много тренировался в последнее время. Позволь мне попробовать. Прости.

Чэньша взглянул в глаза Люка, вспыхнувшие магическим золотом, и его разум мгновенно опустел. Когда он пришел в себя, Люк, бледный как полотно, стоял рядом, тяжело дыша и едва сдерживая тошноту.

— Люк... ты теперь всё знаешь? — Чэньша не двинулся, его голос звучал отрешенно. — Одна душа в телах двух разных людей, живущих в разных мирах. Но кто же я? Чу Сюань или Цзи Яньфэй? Спецагент или убийца? В одной жизни я завлекал людей в бездну порока, в другой — лишал жизни невинных. Как мне искупить всё это?

Люк внезапно обнял его, уткнувшись лицом в плечо. Его руки, вцепившиеся в одежду Чэньша, заметно дрожали.

— Я грязен. Отпусти, — бросил Чэньша с самоиронией.

— Как ты можешь так говорить! — вскричал Люк. — Какая разница, был ты Чу Сюанем или Цзи Яньфэем?! Ты — это ты. Ты — Чэньша!

— Люк, спасибо тебе. — Чэньша попытался высвободиться, но даже с вернувшимися силами он не мог тягаться с мощью священного зверя. — Но это не отменяет того, что я — Фэй и Чу Сюань. — Он сжал в кулаке мокрую землю. — И не отменяет моих грехов...

Люк молчал, раздавленный тяжестью чужих воспоминаний. Теперь он понимал причину этого беспросветного отчаяния. До этого момента он и сам не верил в подобные чудеса — как одна душа может существовать в двух мирах? Но теперь факты были неоспоримы.

Чэньша был Фэем. Когда Фэн Ян заставил его выпить яд «Ушэн», его душа покинула тело и переместилась в мир, откуда пришел Люк — мир звездных систем и высоких технологий. Но яд запер память о прошлой жизни на замок. Новый «Чу Сюань» был чист, лишен характера Фэя.

Случайная смерть вернула душу обратно, но лекарства долго не давали памяти пробудиться. Однако в последнее время силы возвращались, а вместе с ними — и воспоминания. Нефрит Короля Драконов Чжаньхай, снадобье «Байлянь Цянькунь», лекарства для восстановления внутренней энергии и, наконец, эта деревня, уничтоженная по его вине...

Сознание Фэя не исчезло — оно просто сливалось с новым опытом. Прожив в двух мирах больше сотни лет, Чэньша давно перестал любить Фэн Яна. Его сердце принадлежало Фэн Вэньцяню, и от прежней страсти к императору остался лишь ледяной ужас. Но они были едины.

Фэн Ян сломал его жизнь, обременив грехами, но чувство того, как ты забираешь чью-то жизнь, было слишком реальным. Чэньша не мог просто отмахнуться от этого, сказав: «Меня заставили». Люк тоже это понимал.

Чэньша глубоко вздохнул, сглатывая слезы, и на этот раз Люк легко его отпустил. Он поднялся, опираясь на сухое дерево, и медленно побрел вперед.

— Куда ты? — Люк схватил его за край одежды.

— Ты знаешь, чего я хочу. — Чэньша не оборачивался. — Я хочу увидеть Белую ночь на Крайнем Севере. А потом — убить Фэн Яна. Он должен заплатить.

Его слова прозвучали так холодно, что, казалось, с них осыпается иней.

— Чэньша... Прошу тебя... Остайся хотя бы на день... — Люк дернул его назад.

Чэньша не сопротивлялся. Он лишь безучастно наблюдал, как Люк дрожащими руками отвязывает Нефрит Короля Драконов Чжаньхай от его флейты и крепит красную нить к лапе прилетевшей птицы.

— Лети к боссу. Приведи его сюда. Он пойдет за тобой, — прошептал Люк, погладив птицу.

Та взглянула на Чэньша, не узнавая в этом застывшем изваянии прежнего человека, и взмыла ввысь. Чэньша молча сидел под мертвым деревом, а Люк опустился рядом, согревая его холодные руки своим скудным теплом.

Облака ушли, и умытое дождем небо сияло, как лицо ребенка после слез.

Когда солнце поднялось в зенит, послышался топот копыт и крик хищной птицы. Люк поднял голову, но Чэньша даже не шелохнулся.

Лу Юйчэнь сжимал в руке нефрит, красная нить которого вилась по ветру. Увидев перепачканного грязью, сломленного Чэньша, он помрачнел. Осадив коня, он спрыгнул на землю и быстрым шагом подошел к дереву.

Люк кратко объяснил ситуацию, не вдаваясь в лишние подробности:

— В этой деревне Фэй жил после побега. Фэн Ян вырезал здесь всех. Чэньша вспомнил это, и теперь...

— Я понял. Мои люди сзади, дождись их и догоняй Шэнь Пяньхуна, — прервал его Лу Юйчэнь,

протягивая руку.

Люк передал ему ладонь Чэньша и поспешил прочь, чтобы встретить гвардейцев, которых он бросил в лесу, когда, обернувшись летучей мышью, рванул на зов птицы.

Когда они остались одни, Лу Юйчэнь рывком поднял Чэньша. Тот послушно встал, не проронив ни слова. Осмотрев его и убедившись, что он цел, Юйчэнь отвел его на холм над деревней.

— Смотри вниз, Чэньша.

Чэньша поднял глаза. Деревня в лучах полуденного солнца выглядела еще более жалко. Рухнула последняя стена хижины, центральный дом опасно накренился, а деревянные заборы повалились в размокшую грязь.

Всё это было немым свидетельством его вины.

— О, дух земли, даруй свою мощь!

Почва под ногами вздрогнула. Чэньша покачнулся, но Юйчэнь крепко поддержал его. Земля вокруг деревни пришла в движение, вздымаясь, словно волны, и в одно мгновение поглотила остатки строений. Там, где только что были руины, теперь лежала ровная, чистая земля.

Пораженный тем, что Юйчэнь просто стер деревню с лица земли, Чэньша хотел было вырваться, но тот прижал его к себе, не заботясь о том, что грязь пачкает его дорогую одежду.

— Пусть спят спокойно, — тихо произнес он.

Эти слова лишили Чэньша сил для борьбы. Но он не мог промолчать.

— Ты думаешь, если спрятать развалины, мои грехи исчезнут? Лу Юйчэнь, с каких пор ты стал так лгать самому себе?!

Юйчэнь сжал его плечи еще крепче:

— Ты узнал о прошлом и теперь хочешь убить Фэн Яна из мести, так?

— А разве я не должен?

— Чэньша, с каких пор ТЫ стал таким безрассудным?!

Чэньша замер. Голос Лу Юйчэня звучал спокойно и властно, вбивая каждое слово в его сознание:

— Какая польза от этой ненависти? Что изменит твоя смерть? Ты хочешь искупить вину, просто перестав дышать. А не думал ли ты, что можешь сделать гораздо больше, живя и исправляя содеянное?

— Исправляя... — эхом отозвался Чэньша.

— Мертвых не вернуть, Чэньша. Дай им покой. Живым нужно идти дальше. — Юйчэнь вздохнул, глядя на свои ладони. — Я вел войска Сяогуана, я прошел не одну войну. На моих руках крови не меньше, чем на твоих. Означает ли это, что я проклят? Те солдаты тоже были чьими-то отцами, мужьями и сыновьями. Они стали жертвами чужих амбиций. Но я убил их. Убийство остается убийством, и никакая «справедливая цель» не снимет с меня звание палача.

— Но они...

— Они были невинны и погибли из-за тебя. Ты виноват, это правда. Но самый тяжкий грех лежит не на тебе. — Он развернул Чэньша к себе и кончиком пальца стер грязь с его щеки. — Посмотри: здесь все обрели покой. Ты не можешь вернуть им жизнь, так попытайся помочь тем, кто еще страдает в этом мире. Ты почти стал Святым Сыном. Ты знаешь, как трудна жизнь простого люда. Фэн Ян жесток, но нельзя отрицать: под его властью земли Кунлань объединяются и крепнут. Убей его сейчас — и запад погрузится в кровавый хаос междоусобиц. Я не хочу новых войн. Мне не нужно мировое господство, мне нужно благополучие моего народа. Моя цель — величие страны, чтобы никто не смел на нас нападать.

Юйчэнь внимательно посмотрел на него:

— Твои таланты выше, чем просто умение убивать. Когда ты был Пятой Звездой, я хотел, чтобы ты встал рядом со мной и помог сделать Сяогуан сильнее. Но теперь я вижу... ты не хочешь покидать Чжаньхай, верно?

Эти слова заставили Чэньша окончательно прийти в себя. Юйчэнь был прав: он хотел остаться в Чжаньхай. Это была его родина, земля его названной сестры Мянцзинь. Ослабленная страна без Святого Сына держалась лишь на воле королевы. Чэньша поклялся себе помочь ей. Только ярость от осознания своей вины на время ослепила его, заставив думать лишь об убийстве Фэн Яна.

— Я... я понимаю... — Он закрыл глаза, успокаивая бурю в душе. Когда он снова взглянул на Юйчэня, он смотрел твердо. — Я сохраню память об этом грехе и буду жить ради Чжаньхай. Лу Юйчэнь, я не могу стать частью твоей армии, но если когда-нибудь я займу высокое положение в своей стране, я сделаю всё, чтобы мы были союзниками. Если не соратниками, то достойными соперниками, которые помогают друг другу расти.

— Опять ты за своё. — Юйчэнь досадливо вздохнул. — Как хочешь. Я еду в Чжаньхай по делам. Если выпадет случай, я найду тебя. Фэн Ян и Цинь Фэн сейчас заняты своими проблемами, они вряд ли тебя потревожат. Если что-то понадобится — зови Люка, он найдет меня мгновенно.

Чэньша слабо улыбнулся. В этой улыбке еще не было полного прощения себя, но в ней читался покой.

— Благодарю за всё. Я останусь здесь на время. Надеюсь, когда я стану достаточно силен, чтобы говорить с тобой на равных, наше сотрудничество будет плодотворным.

Лу Юйчэнь скрежетнул зубами:

— К чему эта излишняя вежливость! Не будь со мной таким чужим.

Чэньша лишь промолчал в ответ. Юйчэнь взглянул на солнце: если он не поспешит, придется снова ночевать в лесу, причем в одиночестве.

— Я уйду. И помни: когда мы станем вровень, будь со мной... подступнее.

Он вложил Нефрит Короля Драконов Чжаньхай в ладонь Чэньша.

Чэньша проводил всадника взглядом, а затем обернулся к месту, где когда-то была деревня. Он низко поклонился пустой земле и направился к своей хижине. В лучах заходящего солнца теплый ветер шептал бесконечную заупокойную молитву. Грех был погребен глубоко внутри, и путь искупления только начинался.

<http://bllate.org/book/17524/1697520>